

ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ ДОНСКИХ

Заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор философских наук, профессор.
Постоянный автор альманаха.
E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

БОЛЬШЕ, ЧЕМ МАКРОКОСМ¹

Man is a microcosm, or a little world, because he is an extract from all the stars and planets of the whole firmament, from the earth and the elements; and so he is their quintessence².

Парацельс

Известно, что идея человека как микрокосма по отношению к Космосу, макрокосму естественным образом возникает еще в античной философии. У Демокрита это еще просто идея соотношения, при котором существует конфликт между малым и большим мирами, но уже Платон использует эти понятия в более близком для нас значении. Видимый мир – лишь отражение вневременного и внепространственного мира идей. В свою очередь видимый мир отражается в нашем сознании и узнается как знакомое, известное, потому что в душе есть образ идеального мира. Таким образом, мир человеческого сознания совпадает в основных чертах с миром идей. Но это не физическое совпадение, а духовное. Есть вечный и неизменный мир идей и есть его образ в вечно существующих человеческих душах.

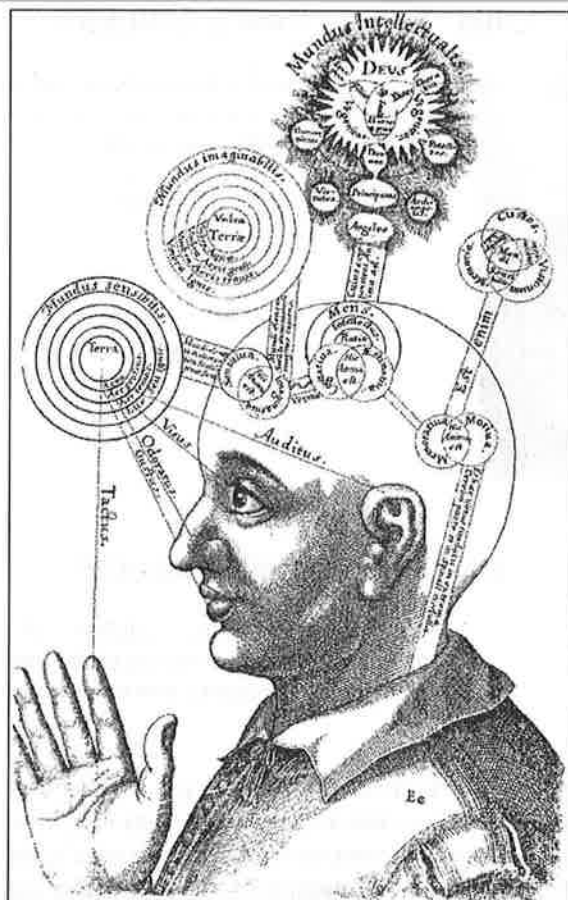
Отцы церкви представили это несколько иначе, хотя, как Платон и сохранили соотношение большого и малого миров в сфере идеальной, а не материальной. (Хотя, надо заметить, у Оригена встречается прямое материальное уподобление человека Вселенной – «Знай, что ты – иное мироздание в миниатюре, и что в тебе – солнце, луна и все звёзды»³).

Григорий Нисский в своей книге «Об устройении человека» рассуждает: «Как низко и недостойно естественного величия человека представляли о нем иные из язычников, величая, как они думали, естество человеческое сравнением его с этим миром! Ибо говорили: человек есть малый мир, состоящий из одних и тех же со Вселенной стихий. Но, громким этим именованьем воздавая такую похвалу человеческой природе, сами того не заметили, что почтили человека свойствами комара и мыши, потому что и в

¹ Для илл. использована гравюра «Человек и макрокосм» // Из кн.: *Fludd R. Utriusque cosmi maioris scilicet et minoris Metaphysica, physica atque technica Historia*, 1617.

² «Человек – микрокосм, или малый мир, потому что он представляет собой экстракт из всех звезд и планет целого небесного свода, из земли и стихий; и поэтому он является их квинтэссенцией».

³ Сетевой ресурс: <http://www.sunhome.ru/philosophy/1480>

них растворение четырех стихий, почему какая-либо большая или меньшая часть каждой из них непременно усматривается в одушевленном, а не из них неестественно и составиться чему-либо одаренному чувством. Потому что важного в этом – почитать человека образом и подобием мира, когда и небо преходит, и земля изменяется, и все, что в них содержится, преходит прохождением содержащего. Но в чем же, по церковному учению, состоит человеческое величие. Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу естества Сотворившего»⁴.

Таким образом, св. Григорий говорит об «образе и подобии» в плане духовном. И раскрывая эту мысль, продолжает: «Ибо не в части естества образ, и не в ком-либо одном из усматриваемых таким же благодать, но на весь род равно простирается такая сила, а признак этого тот, что всем равно дарован ум, все имеют способность размышлять, наперед обдумывать и все прочее, чем изображается Божественное естество в созданном по образу Его. Одинаково имеют это и явленный при первом устройении мира человек, и тот, который будет при скончании Вселенной; они равно носят в себе образ Божий. Поэтому целое наименовано одним человеком, потому что Для Божия могущества нет ничего: ни прошедшего, ни будущего, но и ожидаемое наравне с настоящим содержится все содержащей Действительностью. Поэтому все естество, простирающееся от первых людей до последних, есть единый некий образ Сущего»⁵. Платоновский образ мира идей у св. Григория Нисского становится образом

⁴ Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. Гл. 16. // Библиотека «Вехи» // Сетевой ресурс: <http://www.vehi.net/nissky/nissky.html>

⁵ Там же.

Бога. Причем в применении к человечеству в целом. Только соборное единство человечества может быть уподоблено Богу, а не каждый отдельный человек. Таким образом, продолжая сравнение с платоновской традицией можно, по-видимому, условно говорить о подобии Ему Мировой души. Тем более, что она является Его эманацией. Но проблема в том, что Он (или Оно, если следовать терминологии Плотина) в принципе выше всякого постижения. Тогда понятие подобия становится лишь констатацией того факта, что тварь неминуемо несет в себе образ Творца.

Эта идея развивается в «Ареопагитиках». Псевдо-Дионисий Ареопагит в работе «О Божественных именах» утверждает: «Богословы говорят, что, все превосходя, Бог как таковой ничему не подобен, но Он дарует Божье подобие обращающимся к Нему, чтобы они по мере сил подражали Сущему выше всякого предела и слова. Божественному же подобию свойственна сила обращать все введенное в бытие ко всеобщей Причине. Таковое и следует называть подобным Богу и сущим «по божественному образу и подобию» (ср. *Быт. 1, 26*), ибо не Бог же тому подобен, равно как и человек не подобен своему изображению: подобными друг другу могут быть учиненные одинаково, и их можно взаимно уподоблять одного другому и оборачивать в обоих направлениях подобие их, и оба они могут быть подобны друг другу, соответствуя предваряющему их прообразу их подобия; у причины же и следствий такой взаимности допустить мы не можем. И способность быть подобными даруется ведь не только таким-то и таким-то: Бог есть Причина способности быть подобными всех причастных к подобию и является Субстанцией и самого самого-посебе-подобия. И то, что у всех подобно, подобно благодаря некоему следу божественного подобия и способствует их единству»⁶.

Св. Григорий Палама, в свою очередь, развивает идеи Псевдо-Дионисия, утверждая, что человек становится подобным Богу благодаря любви к Нему: «...наполнишься ты божественной мудростью, станешь подлинно образом и подобием Бога, достигая совершенного посвящения через одно соблюдение евангельских заповедей, как ясно сказал толкователь церковной иерархии Дионисий в книге о ней: «Уподобление Богу и единение с Ним, учит божественное Писание, достигается лишь любовью к достопоклоняемым заповедям и их святым исполнением»⁷. Причем, это взаимное движение: любовь к Богу не безответна – не только человек любовью к Богу, но и Бог отвечает на его любовь. Более того, любовь человека вторична по отношению к любви божественной. «Насколько... познает их Бог, настолько они сами познают Бога. И как? Не смутными проблесками разумения, как он сказал в начале, но видя Бога в Боге, став богоподобным через единение с Ним и действием богоподобной силы достигая божественнейших благодатных даров Духа, в которые вглядеться, не достигнув богоподобия и одним умом исследуя божественное, невозможно»⁸.

Применительно к восточной традиции В.Н. Лосский утверждает: «...Образ не может быть объективирован, так сказать, «натурализирован», превращен в атрибут какой-либо одной только части человеческого существа. Быть по образу Божию, утверждают в конечном своем анализе отцы, значит быть существом личным, то есть существом свободным, ответственным»⁹. И вот как подытоживает православную историю осмысления человека как «образа и подобия» Серафим Слободский: «Св. Церковь учит, – под образом Божиим, нужно разуметь данные Богом человеку силы

⁶ О божественных именах. Гл. 9. Разд. 6.

⁷ Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолствующих / Пер. В. Вениаминов. – М.: Канон (История христианской мысли в памятниках), 1995. – С. 4.

⁸ Там же. – С. 179.

⁹ Лосский В.Н. Догматическое богословие Гл. 2. Разд. Образ и подобие // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/dogmatika/Lossk/_02.php

души: ум, волю, чувство; а под подобием Божиим нужно разуместь способность человека направлять силы своей души к уподоблению Богу, – совершенствоваться в стремлении к истине и добру»¹⁰.

Таким образом, православная традиция движется к пониманию человеческой сущности путем уподобления человека Богу через любовь и духовное единение. Микрокосм здесь духовно, а не материально подобен макрокосму, и не случайно речь идет о подобии Богу, а не о подобии Вселенной, Космоса.

В противоположность восточной западная традиция рассматривает образ и подобие значительно более буквально и материально. Возьмем, например, видения знаменитой пророчицы Хильдегарды Бингенской: «Ведь в круге мозга Бог открывает свою власть, потому что мозг направляет и управляет всем телом. Волосами на голове Бог обозначил свои возможности в [создании] прекрасного, подобно тому, как волосы делают прекрасной голову. В бровях Он являет Свою мощь, поскольку брови защищают глаза, охраняя их от вредных вещей и подчеркивая красоту лица. Они подобны крыльям ветра, которые поддерживают и несут их [глаза] – совершенно так же, как птицы иногда летают с помощью крыльев, но иногда останавливают их в полете; ведь ветер дует силой Бога, и порывы ветра становятся их крыльями. В глазах Бог объявляет Свои знания, благодаря которым он предвидит и знает все наперед. Глаза демонстрируют в себе много образов, потому что они чистые и водянистые...»¹¹.

Стефани Рот в своей статье обсуждает картину творения по текстам Хильдегарды, в частности по *Liber divinatorum operum*. Во втором видении, названном «О создании мира» Хильдегарда описывает тело и душу как микрокосм, который повторяет в миниатюре божественный план и естественный мир. Человек как микрокосм стоит в центре Творения, с которым он сохраняет особые отношения. «Шар в центре круга... представляет Землю... такой шар, круглый и вращающийся лучше всего напоминает форму мира во всех его деталях. Он поддерживается со всех сторон этими кругами, связан с ними, и постоянно получает от них зеленющую свежесть жизни и плодородие, необходимое для поддержания Земли»¹².

Подобные видения демонстрируют богословско-художественное отношение к Священному Писанию, но такое же отношение можно наблюдать и у вовлеченных в экспериментальные и теоретические исследования университетских профессоров. Вот как на вопрос, почему человек есть малый мир, отвечает Роберт Гроссетест (1175–1253): «Великий Бог – Сам по Себе [и] по Себе Самому... – сотворил человека. Тело [же] человека состоит из плоти и костей. А разделяется [оно] на четыре элемента. Ведь [оно] содержит в себе некоторое количество огня, некоторое количество воздуха некоторое количество воды и некоторое количество земли. Природа (*ratio*) земли заключается в плоти, воды – в крови, воздуха – в дыхании; огня – в жизненном тепле. – Да и четырехчастное частей строения (*ratio*) человеческого тела указывает на четыре разновидности (*species*) элементов. В самом деле, голова – в коей, подобно солнечному и лунному светилам, наличествуют два глаза – обращена к небу. Грудь соединяется с воздухом, поскольку как из нее испускается дуновение дыхания, так и из воздуха – веяние ветров. Живот же – вследствие скопления [в нем] всевозможных жидкостей, [то есть] как бы сосредоточения вод – уподобляется морю. И, наконец, подошвы ног сопоставляются с землей: ведь эти крайние из членов сухи или же грубы, как земля»¹³.

¹⁰ См. <http://www.zavet.ru/kalendar/nai-002kn.htm#02>

¹¹ Цит. по статье: *Barbara Newman*. «Hildegard of Bingen» // *Theology Today* 60 (2003): 16-33.

¹² См. http://findarticles.com/p/articles/mi_m2465/is_1_30/ai_59520592/pg_3

¹³ Пер. А.М. Шишкова // В кн.: *Космос и душа* / Ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 127.

Особенно внимательно человек начинает относиться к самому себе в эпоху Возрождения, и здесь параллель между малым и большим мирами приобретает особое значение для возвеличивания самого себя. Пико в знаменитой речи «О достоинстве человека» утверждает: «И установил наконец лучший Творец, чтобы тот, кому он не смог дать ничего собственного, имел общим с другими все, что было свойственно отдельным творениям. Тогда согласился Бог с тем, что человек – творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные»¹⁴. Получается, что человек и часть мира, и его властелин. Но если физически человек полностью зависит от макрокосма, то ему остается властвовать над миром духовно, но для этого он должен объединить свои усилия с другими людьми.

Мысль о подобии человека Богу и, соответственно, основанном на этом достоинстве человека звучит в речи Джанноццо Манетти «О достоинстве и превосходстве человека»: «Но единственным и истинным образом Бога является человек, именно в нем все образованные, а равно благочестивые люди, рассматривающие этот вопрос, различают явление и отблеск некоего божественного подобия. Ибо какое соединение членов, какое построение линий, какая фигура, какой облик (если говорить о внешнем и видимом) могут быть прекраснее, нежели человеческие? И если сам мир так украшен и так красив, что не может быть прекраснее ни в действительности, ни в помыслах, ибо и название свое он получил от красоты и нарядности, сколь красивым и изящным мы должны посчитать того, ради кого была создана, как известно, красота мира?»¹⁵

Вообще в западной традиции разработаны и доведены до логического конца две логики: одна, когда телесность разделяет, а духовность объединяет, поскольку все люди приобщаются к единому миру идей (Платон), ко всеобщему разуму (Аверроэс), духовному началу мира – Богу. Другая логика – когда телесность одна, поскольку она является продолжением и прямым соответствием единого макрокосма, и тогда разделенная на отдельные души духовность должна каким-то образом находить свое единство.

Образ человека как микрокосма развивается в так называемой «метафизической» поэзии. Так, Джон Донн рассуждает в рамках второго подхода, продолжая традицию Хильдегарды Бингенской, но в то же время он вынужден дополнять ее представлением о духовной составляющей, которая выдвигает человека из ряда существ материального мира.

Во времена Джона Донна ярко и изобильно расцветает алхимический подход к проблеме макро и микрокосма. Их буквальное соотношение было глубоко разработано в трудах жившего почти за столетие до Донна знаменитейшего врача и

¹⁴ Пико дела Мирандола. Речь о достоинстве человека // Сетевой ресурс: <http://renaissance.rchgi.spb.ru/Mirandola/opus1.htm>

¹⁵ Из: Джанноццо Манетти. О достоинстве и превосходстве человека // Сетевой ресурс: <http://renaissance.rchgi.spb.ru/Manetti/opus1.htm>

алхимика эпохи Возрождения Парацельса. Его подход к врачеванию основывается на прямых аналогиях между человеком и Космосом, он полагал, что мы поймем человека только тогда, когда изучим природу Вселенной, поскольку, поняв ее, мы сможем правильно подойти к изучению человека: «Все, что астрономическая теория глубоко постигла путем изучения планетных объектов и звезд... может быть применено к твердыне тела». Врач – бог микрокосма»¹⁶. В работе «Das Buch Paragranum», написанной в 1529–1530 гг., Парацельс говорит о том, что человек – это слепок мира, его повторение в миниатюре, когда все, что есть в мире, есть и в человеке. Он пишет (следует оговориться, что под «наукой» Парацельс понимает исследование чисто физического мира): «Потому что Большой Мир имеет все человеческие пропорции, отделы, части, члены точно, как у человека; и человек получает их через еду и лекарства. Эти части отделены друг от друга ради целого и его форм. Для науки их общее тело есть *physicum corpus*. И тело человеческое получает тело мира, подобно тому как сын [получает] кровь; ведь это одна кровь и одно тело, разделенное лишь душой, но научно не разделенное. Отсюда следует, что небо и земля, воздух и вода это для науки человек, и человек для науки это мир с небом и землей, воздухом и водой. Так, Сатурн микрокосма получает от Сатурна небесного, и Юпитер небесный берет от Юпитера микрокосма ... Таким образом, небо и земля, воздух и вода это одна субстанция, не четыре, не две, не три, но одна»¹⁷.

Поскольку представление Джона Донна о природе человека теснейшим образом связано с размышлениями по поводу его болезни, важно обратиться к тому, как Парацельс понимает болезнь. «Для Парацельса существо болезни не является таковым само по себе, но только в абсолютном соответствии, именно в онтологическом тождестве с составляющими макрокосма. Он утверждает: «И точно так, как там существует *flammula* (жар), так и здесь существует *morbus flammulae* [лихорадка]»... Болезни возникают у человека из семян, которые абсолютно соответствуют природе и силам составляющих макрокосма: «[в человеке] есть также те же самые силы чертополоха и лилий, *argentum vivum* [ртути] и аурипигмент, и так со всеми остальными. От них происходят отпрыски, а это и есть человеческие болезни»¹⁸. Парацельс устанавливал прямые соответствия: солнце – золото – сердце, луна – серебро – мозг, Юпитер – олово – печень, Венера – медь – почки и т.д.

Старший современник Джона Донна Уолтер Рэли в написанной во время пребывания в Тауэре «Истории мира» на вопрос, чему мы уподобим человека, отвечает совершенно в духе оксфордского профессора и Парацельса: «Кровь, что течет в теле его по венам, повторяющим своими очертаниями древесную крону, можно сравнить с водами, что разносятся по поверхности земли ручьями и реками, дыхание его подобно ветру, тепло его тела – тому жару, что заперт в глубинах земли... волосы на теле, придающие ему очарование или портящие его, подобны траве, покрывающей кожу земли... глаза наши подобны двум источникам света, коими являются луна и солнце, юность наша – цветам весны, дряхлеющая столь недолго, – цветам, коим суждено иссохнуть...»¹⁹.

¹⁶ Цит. по: «Энциклопедии мировых биографий» // Сетевой ресурс: <http://www.bookrags.com/biography/philippus-aureolus-paracelsus/>

¹⁷ *Paracelsus: Essential Readings*. Selected and translated by Nicholas Goodrick-Clarke // Сетевой ресурс: <http://www.stanford.edu/class/history13/Readings/clarke.htm>

¹⁸ G. Papadopoulos, P. Andriopoulos, Th. Spiropoulos. The Influence of Paracelsus on the Development of Medicine: a Reconsideration // Institute of Pharmacology, University of Athens Medical School. M. Asias 75, GR-11527 Athens. P. 4.

¹⁹ Цит. по кн.: Джон Донн. По ком звонит колокол. Обращения к Господу в час нужды и бедствий. – М.: Энигма, 2004. – С. 62.

Джон Донн описывает человека в его сопоставлении с Космосом в первой и четвертой Медитациях: «Тем ли возвеличен человек как *Микрокосм*, что в нем самом явлены и землетрясения – судороги и конвульсии; и зарницы – внезапные вспышки, что застыт взор; и громы – приступы внезапного кашля; и затмения – внезапные помрачения чувств; и огненные кометы – его палящее горячее дыхание; и реки крови – проступающий кровавый пот?»²⁰ В четвертой: Но самое показательное место – в четвертой медитации: «Если все члены человеческого тела протянуть и распространить настолько, насколько велико то, что соответствует им в мире, то Человек был бы *Великаном*, а мир – *Карликом*, мир был бы лишь *картой*, а человек – *миром*. Если б вены нашего тела протянулись в длину, словно реки, сухожилия стали бы подобны земным пластам, а мускулы, что бугрятся один над другим, превратились в холмы, кости – в каменные карьеры; если бы все органы наши увеличились до пропорций того, что соответствует им в мире, то вся Сфера воздуха не смогла бы стать окоем для этой Человеческой планиды...»²¹ Но человек обнимает мир духовно, и это делает его бессмертным. Донн говорит о своих мыслях, обнимающих Вселенную, – «Неизъяснимая тайна, я, их *создатель* томлюсь в плену, я прикован к одру болезни, тогда как любое из моих *созданий*, из *мыслей* моих пребывает рядом с Солнцем, воспаряет превыше *Солнца*, обгоняет *Светило* и пересекает *путь Солнечный*, и шага одного им на то достаточно»²².

Именно такое представление задает тон рассуждениям Донна о человеке как о континенте, кульминация которых в самых знаменитых его словах, что человек – «часть *континента*, и если море смочит *утес*, не станет ли меньше вся Европа... А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит *колокол*: он звонит и по тебе»²³.

Итак, есть место и время – здесь расположено тело. Есть бесконечность и вечность – туда устремляется дух. Дух облетает Бога и, окрыленный, мчится вспять. Возвращаясь в свой малый мир, он помнит о Его присутствии и обнаруживает, что соизмерим со Вселенной²⁴.

Но в то же время в стихах Донна есть элементы объяснения того, как происходит объединение людей в одно целое, и это объединение преодолевает ограниченность индивидуальной души. И это позволяет дополнить ту картину, которая начата в медитациях, увещеваниях и молитвах²⁵.

Совершенно очевидно, что душевное единение может осуществляться благодаря любви, поэтому именно в лирике эти элементы и могут быть найдены.

Я выбрал в качестве основы для анализа знаменитое стихотворение Джона Донна «Экстаз», в котором момент объединения душ нашел, может быть, наиболее яркое выражение, а по необходимости будут привлекаться другие стихотворения.

Донн представляет дело таким образом, что именно души, в которых проявляет себя наше Я, отделены друг от друга. Когда тела сливаются до такой степени, что приобретают совершенство и прорастают друг с другом. Их склеивает земной бальзам, а бальзам – это, согласно Парацельсу, чудесный эликсир, заживляющий все раны, философский камень, вода жизни²⁶. Соответственно, все возможные телесные

²⁰ Там же. – С. 33.

²¹ Там же. – С. 61-62.

²² Там же. – С. 63.

²³ Там же. – С. 226-227.

²⁴ От этого представления отталкивается И. Бродский в «Большой элегии», когда говорит: «Он Бога облетел и вспять помчался...»

²⁵ Детальный анализ элементов алхимического подхода в стихах Донна в статье А. Нестерова «Алхимическое богословие» Джона Донна // *Джон Донн. По ком звонит колокол...* – С. 353-396.

²⁶ В книге *Das Buch Paragranum* бальзам стоит среди всех этих целительных средств.

недостатки и болезни, очевидно, излечиваются и тела, слившись, становятся совершенными. Но этого еще недостаточно, чтобы слились воедино души – они ведут незримую битву.

*... мы с тобой,
Целебным склеены бальзамом,
Который брызнул из земли.
А наши взгляды прочно сами
В двойную нить переплелись.
Привившись, руки прорастают,
Чтоб вместе сделалось одним.
Глаза друг друга отражают,
И каждый так продлен другим.
Глядит на битву армий равных
Судьба, с победой не спеша,
Так наши души равноправно
Взмывают, как одна душа
Ведя над нашими телами
Переговоры в вышине,
А мы внизу, как изваянья,
Как два надгробья... как во сне...²⁷*

Кроме того, телесное единство человека и мира, микро- и макрокосма утверждается сравнением тел с небесными сферами:

*В двух душах, слитых воедино,
Жизнь замирает от любви.
Родится новая, невинна,
Мир совершенством удивив.
Душой став новой, не заглушим
О прежних памяти. Растут
Из атомов, а это души,
И измененья их не ждут.
Но вот тела зачем, к примеру,
Ведь души – это же умы?
Тела не мы, а только сферы,
Интеллектуальности же мы.*

В учениях астрологов ведь небесные сферы образуют одно целое – Космос, и, таким образом, уподобленные сферам тела – это части единого физического целого. Они не обладают жизнью сами по себе. Такое же представление в стихотворении «Растворение»: «Мы были одним и тем же элементом и состояли друг из друга, мое тело включало ее [тело]...»²⁸. Стихии (элементы) могут обмениваться – мое тело истощилось из-за любви, и она, умирая, возместила с избытком эту растрату.

Согласно алхимическим представлениям кровь переносит тонкие испарения, которые прикрепляют душу к телу. Здесь мы встречаемся с аналогией – духи-

²⁷ Перевод автора статьи.

²⁸ «The Dissolution. ... We were mutual elements to us, And made of one another. My body then doth hers involve, ... See: John Donne The Major Works. Ed. With an Introd. and Notes by John Carey. Oxford University Press, 1990. P. 131. Commentator John Carey adds: «At her death her elements – earth (despair), air (sighs), fire (passion), and water (tears) – enter her body and overburden it» P. 446.

интеллигенции передают движение от сферы к сфере, сохраняя единство Космоса, Вселенной. Душа, как оживляющий принцип, связана с телом через движение крови, которой управляют растворенные в ней тонкие духи (*Рождает духов кровь живая, Как души, действуют они.*) Параллелизм между Вселенной и человеческим телом очевиден – вращение сфер подобно циркуляции крови. На этом сравнении современник Донна Роберт Фладд построил свою теорию кровообращения: сердце – солнце, орбиты планет – сосуды, и кровь – движение вокруг сердца.

В то же время души-интеллигенции, сливаясь и образуя новое единство, формируют третий мир, отличный от макрокосма и микрокосма. Ведь когда возникает новая душа, она является не только соборным объединением прежних душ (они существуют в ней в своей уникальности), но и новым качеством, которое передается всем остальным:

*Когда б, любовью просветленный,
Здесь рядом кто-нибудь стоял
И, в чистый ум преображенный,
Язык души бы понимал,

Он, душ самих не различая
(Слова и мысли в них одни),
Иной состав приобретает,
Став тоньше, лучше, чем они.*

Этот соборный мир привлекает к себе всех и складывается в особое человеческое единство.

Некоторую аналогию такому пониманию мира можно найти в онтологии Парацельса. Ричард Фалькенберг так характеризует ее: «Человек, однако, является превосходящим природу – он не просто универсальное животное, учитывая то, что он является полностью тем, что у других встречается лишь фрагментарно, но, будучи образом Бога, в нем есть вечная стихия и он способен достигать совершенства, упражняясь в разумных суждениях. Парацельс различает три мира: стихийный, или земной; астральный, или небесный; и духовный, или божественный. Этим трем мирам, находящимся в симпатическом взаимодействии, у человека соответствуют тело, которое питает себя [материальными] стихиями, дух, воображение которого получает свою пищу, чувства и мысли, от духов звезд, и, наконец, бессмертная душа, которая находит свою пищу в вере в Христа. Таким образом, натурфилософия, астрономия и теология – это столпы антропологии и, в конечном счете, медицины»²⁹. Бессмертная душа здесь – это нечто высшее по сравнению с миром человека и миром астральным, она делает микрокосм не только соответствующим макрокосму, но и превосходящим его.

Нечто подобное мы находим и у Донна. Поэт описывает процесс соединения душ в соборное единство, где каждый отдельный человек, представленный его отдельным – душой, находит свое место среди других и одновременно участвует в целом. Благодаря любви отдельный человек становится большим, чем он сам, поднимается над собой, формируя новую душу, и, поднимаясь над микрокосмом, он тем самым поднимается над макрокосмом, слепком которого является, он становится больше, чем вся Вселенная.

²⁹ Richard Falckenberg. *History Of Modern Philosophy From Nicolas of Cusa to the Present Time*. Trans. by A.C. Armstrong, Jr. 1893 // Сетевой ресурс: <http://www.fullbooks.com/History-Of-Modern-Philosophy1.html>